

Восемнадцатилетнее служение въ Лифляндіи.

(Рассказъ священника).

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ ¹⁾.

Служеніе при венденской церкви въ должности священника. — Напечатаніе 2-хъ статей „о настоящемъ положеніи православія въ Лифляндіи“; впечатлѣніе ихъ на православныхъ и лютеранъ; обвиненіе автора въ клеветѣ; опроверженіе содержанія статей балтійскою печатью; дѣло о пасторѣ Вальтерѣ, какъ доказательство неправды автора; обвиненіе въ оскорбленіи Ихъ Величествъ; судъ надъ цензорами.

Въ 1864 году минуло пятнадцать лѣтъ, какъ я служилъ въ Лифляндіи и все почти это время былъ благочиннымъ сперва вольмарскимъ и потомъ венденскимъ; въ это время я достаточно ознакомился съ дѣлами православія въ рижской епархіи, и по моему убѣжденію оно находилось въ плачевномъ положеніи; дѣло дошло до того, что самъ венденскій ордуунгсгерихтъ сталъ совращать православныхъ въ лютеранство и пособникомъ своимъ имѣлъ самого гражданскаго губернатора. Очень многое я слыхалъ отъ подвѣдомственныхъ и знакомыхъ мнѣ священниковъ и благочинныхъ о дѣйствіяхъ ревнителей лютеранства въ униженіе и вредъ православію и православнымъ; многое такое я зналъ и по официальнымъ бумагамъ. Иному, что мнѣ рассказывали нѣкоторые священники о дѣйствіяхъ пасторовъ и другихъ поборниковъ лютеранства, я не хотѣлъ вѣрить; но меня увѣрили, что такъ было и на самомъ дѣлѣ и давали мнѣ письменныя показанія. И вотъ, запасшись такими свѣдѣніями, я рѣшился написать и написалъ двѣ статьи подъ названіемъ: „*О настоящемъ положеніи православія въ Лифляндіи*“, чтобы отпечатать ихъ въ духовномъ журналѣ и тѣмъ повѣдать русскому православному міру, какъ много терпитъ православіе отъ лютеранства въ Лифляндіи. Но

---

¹⁾ См. Июльскую книжку Бог. Вѣстника за 1894 годъ.

прежде отсылки статей въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ я посылалъ ихъ для просмотра своему архипастырю; въ одномъ мѣстѣ я упрекнулъ распоряженіе его самого, а именно указалъ на его предписаніе священникамъ, чтобы они въ своихъ проповѣдяхъ даже не упоминали о лютеранствѣ. Это распоряженіе слишкомъ стѣсняло священниковъ въ проповѣданіи ими превосходства православія предъ лютеранствомъ. Пасторъ громилъ русскую вѣру въ своей церкви, а священникъ не смѣлъ въ своей проповѣди и называть лютеранство, а называя его инославіемъ, чего простой человѣкъ и не пойметъ. Я думалъ, что это распоряженіе сдѣлано было архипастыремъ недобровольно, а потому и высказалъ свой горькій и неодобрительный отзывъ. Противъ этого отзыва приспомятливый архипастырь карандашемъ написалъ: вы уже и противъ своего архіерея?! Я не хотѣлъ идти противъ него и выпустилъ упрекъ владыкѣ въ своей статьѣ. Посылая въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ первую свою статью, я спрашивалъ, будетъ-ли она напечатана? Миѣ отвѣчали: присылайте вторую, напечатаетъ,—и статьи были напечатаны въ мартовской и апрѣльской книжкахъ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1865 годъ. Въ этихъ статьяхъ мною наглядно показано, какія притѣсненія, униженія и гоненія претерпѣвали слабые православные отъ сильныхъ и хитрыхъ поборниковъ лютеранства, особенно отъ пасторовъ и помѣщиковъ, какъ сильно колеблутъ еще слабыхъ въ вѣрѣ новоприсоединенныхъ къ православію тѣ же поборники и какъ хитро и безпаказанно умѣютъ они дѣйствовать во вредъ православію.

Мои статьи „о настоящемъ положеніи православія въ Лифляндіи“, какъ сказывалъ миѣ незабвенный святитель Веніаминъ, сперва викарій, а потомъ епископъ рижскій, вскорѣ по напечатаніи ихъ бывший въ Москвѣ, произвели сильное впечатлѣніе на русскихъ - православныхъ; послѣдніе не могли себѣ представить, чтобы такъ много терпѣло и такъ было унижено православіе въ русскомъ православномъ государствѣ, какъ оно терпѣло и было унижено въ Лифляндіи. Вотъ, еще какъ выражалъ свои чувства въ письмѣ къ рижскому архіепископу, отъ 20 октября 1865 г., православный—русскій, прочитавшій мое описаніе положенія православія въ Лифляндіи:

Ваше Высокопреосвященство!

„Вы вызываете къ русскому народу о помощи въ постро-
 „еніи православныхъ церквей во вѣренномъ Вашему ду-
 „ховному управленію краѣ, а исповѣдующіе тамъ право-
 „славную вѣру вопіютъ объ угнетеніи ихъ лютеранскимъ
 „фанатизмомъ и умоляютъ о защитѣ и ихъ, и самаго пра-
 „вославія“.

„Взгляните, Владыко, на статью объ этомъ, помѣщен-
 „ную въ іюльской книжкѣ „Странника“ за нынѣшній годъ ¹⁾.
 „Кровью обливается сердце православнаго русскаго при
 „чтеніи описанія гоненій, направленныхъ въ прибалтій-
 „скомъ краѣ къ искорененію исповѣданія, которое по за-
 „кону считается господствующимъ. А вѣдь это описаніе,
 „Владыко, не первое и конечно не послѣднее. Не менѣе
 „грустно изображалось состояніе православія тамъ и прежде
 „въ другихъ газетахъ духовныхъ и свѣтскихъ, особенно
 „въ „Духовной Бесѣдѣ“, но по видимому оставалось и бу-
 „детъ долго оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынь“.

„Ваше Высокопреосвященство! Неужели на Руси нѣтъ
 „средства оборонить въ ней русскую вѣру? Неужели на
 „Руси не стало болѣе Георгіевъ Кописскихъ? Неужели го-
 „лось Вашъ, Владыко,—голосъ спеціальнаго представителя
 „и защитника православія въ прибалтійскомъ краѣ, — бу-
 „детъ ли опъ обратиться къ главному мѣстному граждан-
 „скому начальству, или къ центральному русскому прави-
 „тельству,—можетъ оставаться не услышанъ, не уваженъ,
 „и православію, въ силу его, не будетъ оказано покрови-
 „тельства противъ дерзкой несправды и обидъ, такъ ярко
 „и многообразно представленныхъ въ упомянутой статьѣ
 „Странника“ и въ другихъ журналахъ? И гдѣ еще эти
 „обиды?—въ сосѣдствѣ съ мѣстопробываніемъ центральнаго
 „правительства и при томъ отъ горсти иновѣрныхъ, по
 „уши надѣленныхъ благами на счетъ русскаго народа?“

„Ваше Высокопреосвященство! Какія горькія мысли рож-
 „даются изъ сопоставленія этихъ взываній, идущихъ въ
 „глубь Россіи изъ прибалтійскаго края и какой выводъ от-
 „сюда надо сдѣлать? Воздержусь отъ вывода; но съ стѣс-

¹⁾ Редакція „Странника“ въ іюльской и іюльской книжкахъ цѣликомъ перепечатала изъ „Православнаго Обозрѣнія“ о положеніи православія въ Лифляндіи (Стран. Отдѣл. IV. Соврем. хроника).

„неннымъ сердцемъ истиннаго русскаго и истиннаго православно-славнаго доложу Вамъ, Владыко, что та рука, которая по Вашему зову уже была опущена въ карманъ, чтобы извлечь оттуда сильную ленту на отечественную церковь въ остзейскихъ губерніяхъ, невольно остановилась при видѣ печальныхъ обстоятельствъ, по коимъ самое существованіе тамъ православія, по крайней мѣрѣ въ массахъ, составляетъ еще грустный, но далеко не призрачный вопросъ и при видѣ всей беззащитности, въ какой его оставляютъ лица, законно призванныя къ его огражденію“.

Православный—Русскій ¹⁾.

Полуденная Россія.

Не меньше, чѣмъ на русскихъ, если только не большее впечатлѣніе мои статьи о положеніи православія въ Лифляндіи произвели на нѣмцевъ-лютеранъ остзейскаго края. По русской пословицѣ, правда сильно уколола имъ глаза; но остзейцы не таковы, чтобы сознаться въ своей винѣ противъ гонимаго ими православія. „Знать ничего не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, всякому твердили остзейцы-лютеране, да намъ и на умъ ничего подобнаго не приходило, что написалъ авторъ въ означенныхъ статьяхъ, — все это неправда, клевета на нѣмцевъ, во всемъ мірѣ славящихся своею честностью. Мы—лютеране, дающіе каждому полную свободу въ дѣлахъ вѣры, станемъ ли притѣснять вѣру православную, вѣру господствующую въ русскомъ государствѣ? Да этого быть не можетъ!“ Но иное дѣло разсуждать, на что нѣмцы мастера,—иное дѣло поступать, а приводимые мною въ статьяхъ факты ясно показываютъ, что православіе сильно страдаетъ отъ ревнителей лютеранства и всего нѣмецкаго и противниковъ всего русскаго и православнаго. Многіе изъ нѣмцевъ вели крупный разговоръ о моемъ описаніи положенія православія въ Лифляндіи и со мною самимъ. Такъ какъ статьи мною были подписаны не полнымъ именемъ, а только начальными буквами П. І. П., то разговаривавшіе со мною менѣе стѣснялись возражать автору статей, хотя, думаю, всѣ знали, что статьи мои

¹⁾ Копію съ сего письма я получилъ отъ самого святителя рижскаго, — и доселѣ она у меня имѣется.

принадлежатъ. Я, разумѣется, защищалъ автора и пояснялъ изложенное имъ примѣрами, или доказывалъ живыми свидѣтелями, которыхъ и называлъ по имени, или ссылался на оффиціальныя документы. Особенно рѣзко нападалъ на автора статей твердый защитникъ остзейцевъ графъ М. К. Сиверсъ, — венденскій помѣщикъ, прибывшій изъ Петербурга на лѣтнія каникулы; не боязненно и ему я доказывалъ правоту автора и указывалъ на такіе факты, которыхъ онъ не могъ не знать, не могъ и опровергнуть. Нѣкоторые и изъ русскихъ въ разговорѣ со мною о статьяхъ моихъ упрекали меня въ томъ, что я не уважительно отнесся въ одномъ мѣстѣ объ Ихъ Императорскихъ Величествахъ; это подсказывали имъ нѣмцы-лютеране, какъ увидимъ ниже.

Но остзейцы одними спорами со мной о моемъ будто несправедливомъ обвиненіи ихъ въ угнетеніи православія не ограничились; они хотѣли и печатною и оффиціальною жалобою на меня оправдать себя и обвинить меня въ клеветѣ. Такъ они обратились чрезъ лифляндскаго губернатора съ жалобою на автора означенныхъ статей къ рижскому архіепископу и просили его отыскать этого автора, отдать подъ судъ и примѣрно наказать за клевету. Владыка сдѣлалъ такое распоряженіе по этой жалобѣ: такъ какъ сочинитель статей о настоящемъ положеніи православія въ Лифляндіи венденскій благочинный протоіерей Носпѣловъ: то потребовать отъ него объясненія, на какомъ основаніи онъ обвинилъ нѣмцевъ-лютеранъ въ оскорбленіи и притѣсненіи ими православныхъ въ здѣшнемъ краю, да спросить какъ его, такъ и всѣхъ благочинныхъ рижской епархіи, не дѣлаютъ ли поборники лютеранства православнымъ такихъ же оскорбленій и притѣсненій, какія описаны въ статьяхъ, или подобныхъ имъ? — и если дѣлаютъ, то какія именно? Изъ оффиціальныя донесеній благочинныхъ всей рижской епархіи открылось, что прописанное мною въ статьяхъ — истинная правда и что много и другихъ оскорбленій и притѣсненій терпятъ православные отъ лютеранъ. Съ прописаніемъ разныхъ обидъ и притѣсненій, какія причиняютъ ревнители лютеранства православнымъ, архіепископъ просилъ лифляндскаго губернатора защищать православныхъ, такъ много обидъ претерпѣвающихъ отъ ихъ гонителей.

Что касается до протоіерея Поспѣлова, автора означенныхъ статей, писалъ владыка, то никакой клеветы на нѣмцевъ лютеранъ онъ не написалъ; на его печатныя обвиненія лютеранъ въ притѣсненіяхъ ими православныхъ имѣются достаточныя доказательства и большею частью оффиціальныя данныя. И если протоіерей Поспѣловъ въ чемъ виноватъ, то виноватъ развѣ только въ томъ, что еще недостаточно высказалъ въ печатныхъ своихъ статьяхъ о злословіи, оскорбленіяхъ и гоненіяхъ, какія терпятъ православныя отъ лютеранъ. Такъ кончилась жалоба на меня нѣмцевъ-лютеранъ архипастырю за мнимую клевету на нихъ.

Нѣмцы-лютеране вооружились на меня и печатно. Черезъ мѣсяць по напечатаніи моей второй статьи въ апрѣльской книжкѣ „Православнаго Обзорѣнія“, въ іюньской книжкѣ нѣмецкаго журнала „Baltische Monatschrift“ появилось въ нѣмецкомъ переводѣ почти цѣликомъ мое описаніе положенія въ Лифляндіи за исключеніемъ одного мѣста, гдѣ упоминалось о Государѣ Императорѣ и Государынѣ Императрицѣ; нѣкоторыя мои обвиненія пасторовъ при переводѣ смягчены. Этотъ нѣмецкій переводъ моихъ статей облетѣлъ весь остзейскій край и хорошо познакомилъ съ содержаніемъ ихъ всѣхъ нѣмецкихъ читателей журнала. Понятное дѣло, какое возбужденіе произвели въ нѣмцахъ статьи, обвиняющія ихъ въ оскорбленіи и гоненіи православныхъ. Но редакція нѣмецкаго журнала составила и напечатала предъ статьями и послѣ нихъ какъ бы отвѣтъ мнѣ, въ которомъ старалась опровергнуть мое обвиненіе нѣмцевъ-лютеранъ. Замѣчательно начало предисловія.

„Однако-жъ это удивительно! До сихъ поръ лютеранская „церковь остзейскихъ губерній думала о себѣ, что она „есть сторона утѣшяемая въ своихъ правахъ—ecclesia pressa, „и не ожиданно конье оборачивается: мы, лютеране, вдругъ „оказываемся людьми, исполненными истеричности, фанатиками, угнетателями и гонителями другой церкви ¹⁾. „Въ самомъ дѣлѣ это превращеніе такъ для насъ неожиданно и до такой степени противорѣчитъ всѣмъ нашимъ „обычнымъ представленіямъ, что когда въ первый разъ „раздался объ этомъ голосъ въ русскихъ газетахъ, здѣсь

¹⁾ Тяжело автору-нѣмцу назвать эту церковь по ея имени-православною.

„на мѣстѣ рѣшительно не хотѣли считать это чѣмъ-нибудь „серьезнымъ. Наконецъ и главный обвинительный актъ, „изъ котораго съ удовольствіемъ черпали и будутъ черпать „упомянутыя газеты, лежитъ теперь передъ нами и мы считаемъ своею обязанностию познакомить съ нимъ балтійскую „публику“. Какая ребяческая наивность! Редакція газеты, повѣствующей о дѣлахъ остзейскаго края, и слыхомъ не слыхала о вопляхъ православныхъ, такъ давно и сильно преслѣдуемыхъ сильными лютеранами; она, видите, все думала и была убѣждена, что горсть бѣдныхъ и безсильныхъ православныхъ, главнымъ образомъ, крестьянъ притѣсняють лютеранъ-насторовъ, помѣщиковъ, судей, начальниковъ, градоначальниковъ и даже губернаторовъ!?

Далѣе редакторъ балтійской газеты говоритъ, что сочинитель статей о состояніи православія въ Лифляндіи, „какъ по всему кажется, пишетъ съ непритворной вѣрой въ справедливость своихъ взглядовъ и рассказовъ, не прибѣгая къ тѣмъ полемическимъ уловкамъ, которыхъ столь дурные образцы намъ приходится теперь видѣть въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ“. Но, похваливъ меня за прямоту и откровенность, редакторъ всѣми силами хочетъ доказать, что я самъ обманывался и что мое обвиненіе нѣмцевъ и лютеранъ въ оскорбленіи и притѣсненіи ими православныхъ несправедливо. Это онъ доказываетъ тѣмъ, что у меня въ статьяхъ, по его словамъ, „чрезвычайно часты такія выраженія: *„какъ мнѣ рассказывали“*“. Но защитникъ ревнителей лютеранства непростительно обчелся: въ обѣихъ моихъ статьяхъ, на 35 печатныхъ страницахъ, подобныхъ выражений только четыре. Въ другихъ мѣстахъ я прямо заявлялъ, что мнѣ рассказывали о гоненіяхъ лютеранъ сами потерпѣвшіе, или же выписывалъ о томъ изъ сообщеній мнѣ священниковъ и такую выписъ обычно означалъ принятыми въ печати вносными знаками. Редакція журнала заподозриваетъ въ правдивости показаній и самихъ крестьянъ, рассказывавшихъ мнѣ о притѣсненіяхъ ихъ лютеранами, и прибѣгаетъ къ истинно нѣмецкому приему. Крестьяне де такой народъ, что тотчасъ же замѣчаютъ, какого сорта рассказами они могутъ особенно услужить спрашивающей ихъ духовной особѣ, а потому имѣють побужденіе рассказывать неправду. Такими извѣстны всякому недостаточно морали-

зованные низшіе народныя классы въ большей части странъ міра, — подразумѣвается: кромѣ нѣмецкой. „Изъ такого-то источника заимствуетъ авторъ обвиненія, на которыя рѣшиться, мы не хотимъ сказать, духовное лицо, — но даже всякій честный человѣкъ долженъ былъ бы только при самомъ обстоятельномъ знаніи положенія дѣла“. А авторъ де основываетъ свое обвиненіе только на формулѣ: какъ мнѣ рассказывали.

Видите, редакція уже обвиняетъ меня самого въ нечестности, что я по лютеранскому суду не доказалъ гоненій православныхъ въ Лифляндіи. Но если бы она безпристрастиѣ прочитала мое описаніе положенія православныхъ въ Лифляндіи, она могла бы увѣриться, что я основательно зналъ это положеніе и писалъ вовсе не на основаніи однихъ только слуховъ. Приведу примѣръ. Изъ 31 прихода венденскаго и вольмарскаго благочиній, мнѣ такъ хорошо знакомыхъ, только въ трехъ число православныхъ домохозяевъ увеличилось противъ прежняго, а во всѣхъ другихъ уменьшилось ¹⁾ и уменьшилось значительно, съ 26 на 6 и даже на 4, или съ 36 на 12, съ 11 на 6, съ 88 на 57. А въ одномъ приходѣ, довольно значительномъ по числу ²⁾, теперь только одинъ хозяинъ православный и тотъ держится только потому, что онъ хозяиномъ въ казенномъ имѣніи, а прежде въ этомъ приходѣ было хозяевъ, какъ говорятъ, до 30 или 40 (Прав. Обзорніе, апрѣль, 1865 г. стр. 388). Ужели справедливость и основательность моего разсказа о значительномъ числѣ православныхъ хозяевъ, выбывшихъ изъ 28 приходовъ двухъ благочиній, ослабляются отъ того, что въ одномъ приходѣ, въ которомъ остался только одинъ православный хозяинъ, я указалъ на неопредѣленное число прежде бывшихъ въ немъ хозяевъ — 30 или 40 и при этомъ употребилъ фразу: какъ говорятъ? Таковы были у меня свѣдѣнія, и я не хотѣлъ ихъ измѣнять. Но несомнѣнно для каждаго безпристрастнаго читателя, что такая огромная убыль православныхъ хозяевъ въ 28 приходохъ могла произойти только отъ притѣсненій ихъ ревни-

¹⁾ Тогда какъ по естественному порядку число ихъ должно было увеличиваться значительнѣе, чѣмъ число лютеранъ, и отъ присоединенія и отъ смѣшанныхъ браковъ.

²⁾ Едва ли не руческомъ, вольмарскаго уѣзда.

телями лютеранства — нѣмецкими помѣщиками и арендаторами имѣній; что неопровержимо доказываютъ и разсказанные мною въ той же статьѣ живые примѣры. Нѣтъ, мой противникъ ничего этого не хочетъ видѣть, а указываетъ только на мою фразу: „какъ говорятъ“ и старается показать своимъ читателямъ, будто всѣ мои доказательства о притѣсненіи православныхъ домохозяевъ основываются у меня только на фразѣ: „какъ говорятъ“ и считаетъ меня за такія, будто слабыя, доказательства нечестнымъ. Грѣхъ честному нѣмцу считать меня безчестнымъ.

Противникъ мой упрекаетъ еще меня въ томъ, что въ доказательство своихъ обвиненій нѣмцевъ-лютеранъ, указывая на газеты, я не называю, какія именно это газеты, и не цитую номера. Это—единственное указаніе на газеты въ моихъ статьяхъ, гдѣ я говорилъ, что въ латышской газетѣ напечатано о водоосвященіи, какъ о суетвѣриіи (стр. 306) и о томъ, что настоятель, вскорѣ послѣ того опредѣленный еще въ должность благочиннаго, православную вѣру называлъ собачьею вѣрою. Признаюсь, я самъ не хотѣлъ этому вѣрить: но сообщившій мнѣ объ этомъ фактѣ, получившій высшее образованіе священникъ, увѣрилъ меня въ справедливости его сообщенія и, какъ помнится, по моей просьбѣ изложилъ свое показаніе письменно; изъ этого письменнаго сообщенія я и взялъ означенное мѣсто въ моей статьѣ; въ этомъ сообщеніи не указано было ни названіе газеты, ни номеръ ея, и я не могъ указать ихъ.

Впрочемъ, пишетъ редакція балтійскаго журнала, „можетъ быть протестантское большинство, само того хорошо не сознавая ¹⁾, дѣйствительно угнетаетъ православное меньшинство; можетъ быть и есть кой-гдѣ отдѣльныя лица, которыя вслѣдствіе посѣяннаго между ними съ сороковыхъ годовъ религіознаго раздвоенія, дошли до настроенности, противной терпимости и гуманности“. Спасибо редакціи и за слабое признаніе виновности нѣкоторыхъ остзейцевъ въ угнетеніи ими православныхъ; но она приглашаетъ всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, узнавшихъ себя въ моихъ статьяхъ, сообщить ей нужныя поправки, точно означая мѣсто и время событія; „покажемъ нашимъ обвинителямъ“,

¹⁾ Мудрено не сознавать помѣщику, силой и неправдой выживающему изъ деревень своего имѣнія всѣхъ православныхъ домохозяевъ.

пишетъ редакція, „что мы не боимся свѣта публичности, хотя бы онъ проникалъ въ малѣйшія частности“. Не знаю, прислалъ ли кто изъ ревнителей лютеранства и гонителей православія въ редакцію какія либо заявленія по поводу моихъ обвиненій. Всего скорѣе никто не прислалъ. Помѣщику, выгнавшему изъ своего имѣнія всѣхъ православныхъ домохозяевъ, какъ прислать заявленіе, что дѣйствительно въ его имѣніи было прежде довольно православныхъ домохозяевъ и они всѣ выгнаны, по выгнаны вовсе не за вѣру, а за то, что они были неисправные домохозяева? Да и въ моихъ статьяхъ то же самое прописано, значить, никакого опроверженія моему обвиненію не будетъ. Помѣщикъ, не давшій мѣста подъ православную церковь и кладбище, прислалъ бы въ редакцію заявленіе, что онъ дѣйствительно не далъ, что земля необходима для имѣнія и онъ, какъ владѣлецъ имѣнія, въ полномъ правѣ не уступать земли около 816 квад. сажень подъ церковь и около 1632 квад. сажень подъ кладбище за такую низкую плату, за 470 руб. Кто имѣетъ право отнять у него землю насильно? Опять не опроверженіе, а подтвержденіе моего показанія. Крестьянинъ православный былъ наказанъ двадцатью ударами розогъ за то, что пожаловался на лютеранина за оскорбленіе имъ православной вѣры. Судъ прислалъ бы въ редакцію балтійскаго журнала копію протокола, въ которомъ сказано, что православный крестьянинъ наказанъ за то, что хотѣлъ мыться въ банѣ съ женщинами и что убѣждалъ отъ приговоренныхъ ему сначала 15 ударовъ розгами; а объ оскорбленіи вѣры православной не было никакого дѣла; вотъ, смотрите, протоколъ суда неопровержимо доказываетъ клевету православнаго на лютеранина, оскорбившаго будто вѣру православную. И я то же самое писалъ.

Но вотъ, у меня въ статьѣ прямо названъ судъ — венденскій орднунгсгерихтъ и описано его преступное дѣяніе — совращеніе православныхъ въ лютеранство предложеніемъ росписываться въ желаніи оставить православіе и воротиться въ лютеранство. Что же редакція балтійскаго журнала? Ей нужно было сказать, справедливо ли мое обвиненіе, или несправедливо? Дѣйствительно-ли судъ записывалъ православныхъ, желающихъ воротиться въ лютеранство? или я основывалъ свое обвиненіе на однихъ слу-

хахъ, какъ мнѣ рассказывали? Имѣеть ли право судъ возвращать православныхъ въ лютеранство, или это законами російскаго государства запрещено? Редакція отклонила отъ себя рѣшеніе этихъ вопросовъ, а повернула въ сторону, именно упрекнула православное духовенство въ недостаточномъ его вліяніи на самую паству и въ томъ, что будто въ моихъ статьяхъ находится открытое признаніе факта, что стремленіе къ обратному выходу изъ православной церкви между лифляндскими крестьянами стало почти всеобщимъ. Это не правда, этого я не говорилъ, а говорилъ, что ревнители лютеранства хотѣли возбудить во всѣхъ православныхъ желаніе отпасть отъ православія; но эта затѣя имъ не удалась. Редакція балтійскаго журнала прибѣгла къ излюбленному между остзейскими нѣмцами способу защищаться, когда ихъ обличаютъ въ противозаконныхъ поступкахъ: „а вы сами-то что дѣлаете?“ Такъ и редакція поступила. Въ то самое время, какъ венденскій орднунгсгерихтъ записывалъ православныхъ, желающихъ снова возвратиться въ лютеранство, повѣствуетъ она, одинъ священникъ позвалъ на домъ своихъ прихожанъ, объявилъ имъ благословеніе его преосвященства архіепископа рижскаго ¹⁾ и послѣ того предложилъ имъ вопросъ: „что они лучше желали бы, владѣльцамъ, какъ прежде, или же коронѣ платить свою арендную плату? присовокупивши однако же лукавое замѣчаніе, чтобы они не рассчитывали получить себѣ прислугу „даромъ“. Или другой священникъ совѣмъ отдаленный отъ перваго, „собралъ толпу православныхъ крестьянъ въ свое жилище и чрезъ посредство гостившаго у него ученика рижской духовной семинаріи предлагалъ имъ вопросы, которые касались только барщинныхъ и фермерскихъ отношеній крестьянъ, и весьма способны были возбудить въ нихъ недовольство дѣлами этого міра“. Въ томъ и другомъ случаѣ, по показанію журнала, крестьянамъ показывали видъ, что ихъ отвѣты были записываемы.

¹⁾ Жаль, что редакція не пояснила: за что? Наверно за то, что православные этого прихода остались все вѣрны православію и никто изъ нихъ не изъявилъ желанія воротиться въ лютеранство. Что противозаконнаго находится балтійскій журналъ въ объявленіи священниками прихожанамъ архіепископскаго благословенія? Или и въ этомъ благословеніи онъ видитъ что-то возмутительное?

Въ послѣднемъ случаѣ редакція балтійскаго журнала не пояснила, что же именно священникъ сказалъ православнымъ крестьянамъ о ихъ фермерскихъ и барщинныхъ отношеніяхъ и почему его слова способны были возбудить недовольство крестьянъ дѣлами этого міра? Ужели священнику, какъ отцу духовному, возбраняется говорить съ своими духовными дѣтьми о дѣлахъ житейскихъ?... Не то, видно, было на самомъ дѣлѣ; навѣрно дѣло было такъ, что нѣсколько прихожанъ пришли къ священнику вовсе не по зову его, а сами добровольно и утѣсняемые за православіе сильными ревнителями лютеранства жаловались ему на это притѣсненіе. Священникъ, конечно, поболѣлъ за нихъ душою, а можетъ быть допесь о томъ и своему архипастырю. Вотъ это-то и несприятно ревнителямъ лютеранства и притѣснителямъ православія. Пусть они преслѣдуютъ православныхъ за вѣру, мстя имъ жестоко въ житейскихъ дѣлахъ, а священникъ не смѣй имъ сказать и слова утѣшенія. Въ первомъ случаѣ редакція балтійскаго журнала привела даже содержаніе разговора священника съ своими прихожанами, которыхъ онъ собралъ къ себѣ, чтобы объявить архипастырское благословеніе за ихъ твердость въ вѣрѣ. И я не понимаю, что тутъ возбудительнаго для крестьянъ, если священникъ и спросилъ ихъ: казнь, или помѣщикамъ они желаютъ платить аренду за землю? И какое тутъ лукавство въ дополненіи священника, что крестьяне не получаютъ даромъ прислугу? Трудно даже понять, о какой прислугѣ здѣсь ведетъ рѣчь повѣствователь, обвиняющій священника за разговоръ его съ прихожанами объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ. Да, прибавлю отъ себя, эта-то совершенная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ и дала послѣднимъ полную возможность безнаказанно притѣснять латышей и эстовъ за принятіе ими православія. И еслибы правительство устроило въ Лифляндіи положеніе крестьянъ, какъ оно устроило въ Россіи; вѣнкое благо оно оказало бы православію и благоденствію крестьянъ въ остзейскомъ краѣ. Думаю, и сдѣлать это-то было бы не трудно; стоило бы правительству всю крестьянскую землю взять у помѣщиковъ въ казну за опредѣленную цѣну, которую назначить нужно было бы, конечно, безъ обиды для самихъ помѣщиковъ, сообразно съ существующею въ означенномъ краѣ

цѣною на землю;—и уплатить помѣщикамъ или облигаціями, или арендною платою отъ крестьянъ, которую крестьяне должны были бы вносить въ казну. Освобожденные отъ всякой зависимости отъ помѣщиковъ, латыши и эсты были бы вполне свободными крестьянами и не могли бы уже жаловаться на гоненія ихъ владѣльцами земли за принятіе ими вѣры православной; не могли бы и священники обольщать ихъ, какъ думаютъ ревнители лютеранства, земными выгодами. вполне свободные крестьяне могли бы уже вполне свободно или оставаться въ лютеранствѣ, или же переходить въ православіе.

Съ такими-то обвиненіями священниковъ выступила редакція балтійскаго журнала, съ обвиненіями, по ея мнѣнію, болѣе основательными, чѣмъ обвиненіе мною венденскаго ордунгегерихта въ совращеніи имъ православныхъ въ лютеранство! Минимъ важныя обвиненія священниковъ печатаетъ балтійскій журналъ и они принимаются за основательныя обвиненія цѣлымъ нѣмецкимъ краемъ и даютъ нѣмцамъ поводъ кричать на весь Божій свѣтъ, что священники прельщаютъ крестьянъ въ дѣлѣ присоединенія ихъ къ православію земными выгодами, да еще вооружаютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, бунтуютъ! А если бы спросить самыхъ священниковъ и разговаривавшихъ съ ними прихожанъ—крестьянъ, о чемъ они говорили между собою: то вполне увѣренъ я, что даже и такихъ обвиненій, какія взводила редакція, не нашлось бы. Замѣчательно, что умная редакція нѣмецкаго журнала не могла набрать какихъ нибудь обвиненій поумнѣе, поважнѣе, поизобличительнѣе для священниковъ!

Самое оскорбительное для нѣмцевъ обвиненіе ревнителей лютеранства въ моихъ статьяхъ было обвиненіе пастора, который съ церковной кафедрой назвалъ православіе собачьею вѣрою. Безъ сомнѣнія и самымъ ярлымъ лютеранамъ было слишкомъ неловко отъ того, что ихъ духовный вождь унижилъ себя такою неприличною бранью въ церкви при богослуженіи. И вотъ, сама редакція, и всѣ нѣмцы и даже православные не вѣрили, чтобы это была правда; но не хотѣли обвинять меня за это въ клеветѣ; обвиняли меня только какъ клеветника вообще во всѣхъ описанныхъ мною оскорбленіяхъ и притѣсненіяхъ лютеранами православныхъ.

Но лютеранскому духовному начальству слѣдовало бы вступить за пастора, возбудить особое дѣло о пасторѣ, назвавшемъ православіе собачьею вѣрою и обвинять меня въ клеветѣ на пастора, потребовать бы отъ меня свѣдѣнія, кто именно изъ пасторовъ назвалъ православіе собачьею вѣрою и когда именно. На это указывасть притворно или непритворно и сама редакція балтійскаго журнала, — она пишетъ: „спрашивается: не надлежитъ ли въ настоящемъ случаѣ законнымъ путемъ принудить „Православное Обозрѣніе“ къ принятію поправки его ошибокъ, или даже подать на него жалобу въ клеветѣ? Впрочемъ это пусть рѣшаютъ тѣ, чью составляетъ это обязанность“. По указанію этой газеты меня и пытались обвинить въ клеветѣ, и не обвинили. Но въ клеветѣ на пастора, назвавшаго православіе собачьею вѣрою не обвиняли; видно, уже было такое дѣло: какъ у лютеранскаго, такъ и у православнаго начальства, и обвинять меня въ клеветѣ было нельзя. Однакоже редакція балтійскаго журнала сама рѣшилась защитить пастора, будто вовсе неповиннаго въ такомъ преступленіи, въ какомъ я обвинилъ его, — и пыталась доказать это документально: но оказалось на самомъ дѣлѣ, что сдѣлать это невозможно.

Я служилъ сначала при волмарской церкви и зналъ Вальтера, извѣстнѣйшаго проповѣдника, ревнителя лютеранства и въ сороковыхъ годахъ, когда много латышей присоединялось къ православію, оскорбившаго православіе публично въ проповѣди на фетельскомъ кладбищѣ ¹⁾, о чемъ было официальное слѣдствіе и разбирательство дѣла въ судѣ. Редакція намѣренно, или не намѣренно и вообразила, что я обвиняю въ неприличномъ названіи православія собачьею вѣрою, именно пастора Вальтера. И вотъ, редакція стала утверждать, что рассказъ мой о событіяхъ сороковыхъ годовъ баснословенъ и прямо противорѣчитъ истинѣ; въ извиненіе будто бы меня и въ доказательство того,

¹⁾ За эту ревность къ лютеранству онъ былъ впоследствии избранъ на должность суперъ-интендента рижской лютеранской консисторіи и впоследствии удостоенъ правительствомъ званія—епископа. Но за укоръ ливонскому дворянству въ проповѣди своей при открытіи ландтага въ томъ, что оно мало старалось отмѣнить край, лишень былъ должности суперъ-интендента и выбылъ за границу, въ истинное свое нѣмецкое отечество.

что я не могъ знать событій сороковыхъ годовъ, она указываетъ на то, что въ сороковыхъ годахъ меня не было въ Лифляндіи. И это неправда; я прибылъ въ Лифляндію въ 1848 году, а посему и самъ лично могъ знать событія изъ послѣднихъ сороковыхъ годовъ и слышать отъ непосредственныхъ свидѣтелей этихъ событій.

Пасторъ Вальтеръ въ проповѣди своей, сказанной на фетельскомъ кладбищѣ ¹⁾, по донесенію на него слышавшихъ трехъ православныхъ латышей 1) назвалъ православную церковь языческою, 2) перешедшихъ въ эту церковь назвалъ ворами, убійцами и язычниками и 3) утверждалъ, что души ихъ никогда не достигнутъ вѣчнаго спасенія. Дѣло было еще при генераль-губернаторѣ Головинѣ, — наряжена была особенная слѣдственная коммиссія изъ жандармскаго полковника, приходскаго судьи и уѣзднаго фискала. Коммиссія допросила какъ трехъ свидѣтелей, принесшихъ жалобу на пастора Вальтера, такъ и другихъ лицъ лютеранскаго исповѣданія изъ фетельскаго прихода: пасторъ оказался виновнымъ въ взводимомъ на него преступленіи, и очень многіе думали, что онъ пострадаетъ за свою вину. Но въ 1848 г. на счастье пастора Вальтера прибылъ въ Ригу новый генераль-губернаторъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ, и по внушенію, конечно, нѣмцевъ рѣшено было почему-то вновь переслѣдовать дѣло по обвиненію пастора Вальтера. Сочли вовсе неприличнымъ обвинить такого знаменитаго пастора; знали защитники Вальтера, какъ повести дѣло въ пользу виновнаго; оно передано было въ нѣмецкій — венденскій — ландгерихтъ, который командировалъ въ Фетельнъ отдѣленіе. Призванъ былъ самъ обвиняемый и депутатъ съ лютеранской стороны, — пасторъ, конечно, для защиты виновнаго; только забыли почему-то призвать депутата съ православной стороны, хотя дѣло касалось вѣры православной, оскорбленной пасторомъ. На судѣ три свидѣтеля, принесшіе жалобу на пастора, подтвердили прежнія свои показанія, служація къ обвиненію пастора „не смотря на то, что слѣдователи объяснили имъ

¹⁾ По своей ревности къ лютеранству онъ не рѣдко бывалъ въ другихъ приходахъ и, чтобы удержать латышей—лютеранъ отъ перехода въ православіе, произносилъ проповѣди, подобныя той, какую онъ сказалъ на фетельскомъ кладбищѣ.

всю важность и послѣдствія этихъ показаній ¹⁾). Особенную твердость показала обвинительница, жена одного изъ трехъ обвинителей, обнаружившая какъ вѣшную, такъ и внутреннюю бѣдность“. Еще бы ей быть не глупой, если она твердо свидѣтельствуемъ о виновности пастора! Но первый изъ 20-ти свидѣтелей показалъ по прочтеніи ему прежнихъ показаній, что онъ „не говорилъ того, что здѣсь написано, а показалъ только, что вольмарскій пасторъ дѣйствительно говорилъ о подражаніи язычникамъ тѣхъ, которые оставляютъ свою вѣру изъ за земныхъ выгодъ, а также о томъ, что продажа вѣры за хлѣбъ и за землю ничѣмъ не отличается отъ воровства и, наконецъ, что тотъ, кто такимъ образомъ отпадетъ отъ вѣры, никогда не достигнетъ вѣчнаго спасенія“. Почти то же показалъ свидѣтель, что заключается въ обвиненіи; поему, конечно, слѣдователи другихъ свидѣтелей стали спрашивать уже иначе, а именно предлагали такіе вопросы: говорилъ ли пасторъ Вальтеръ о томъ, въ чемъ обвиняли его? И свидѣтели отвѣчали на каждый изъ трехъ обвинительныхъ пунктовъ: нѣтъ. На очной ставкѣ обвинители и свидѣтели упрямно стояли на своихъ показаніяхъ, хотя, замѣчаетъ редація балтійской газеты, первые казались упылыми и пристыженными ²⁾). Наконецъ въ залѣ предъ судомъ и зеркаломъ „явился, въ полномъ облаченіи, самъ обвиняемый пасторъ, высокаго роста, величественной наружности, вполнѣ напоминавшій доктора Мартина Лютера, отъ котораго онъ будто бы происходитъ по женской линіи“, и съ позволенія судей въ свое оправданіе, изложилъ краткій очеркъ своей проповѣди, которую онъ произнесъ на фетельскомъ кладбищѣ; при каждой его остановкѣ и навѣрно вопросѣ обвинителямъ и свидѣтелямъ—они отвѣчали: „да, это вы говорили, добрый пасторъ ³⁾), это такъ было“. Въ заключеніе этой рѣчи, когда ораторъ спросилъ обвинителей: „можете ли вы теперь утверждать,

¹⁾ Иначе сказать: старались убѣдить крестьянъ отказаться отъ показаній, обвинявшихъ пастора.

²⁾ Откуда это извѣстно редакціи? Или это написано и въ сообщенныхъ ей протоколахъ? Впрочемъ и то надобно сказать, какъ же умному человеку не быть пристыженнымъ при обвиненіи пастора въ оскорбленіи православія!

³⁾ И видно, что сочинялъ повѣствователь; латыши обычно называютъ пастора—равно и священника—„честный учитель“.

что ваши обвиненія истинны и что я произносилъ объявленныя вамъ показанія? Несчастные обвинители пали ницъ, обняли колѣна пастора и громко со слезами на глазахъ, объявили: „мы лгали, вы этого никогда не говорили, мы отказываемся отъ нашихъ обвиненій и беремъ ихъ назадъ“ ¹⁾. Да какъ же они и свидѣтели—лютеране показывали слѣдственной комиссіи совсѣмъ другое? Какъ же обвинители самому суду и на очной ставкѣ упорно настаивали на своемъ обвиненіи пастора Вальтера? Видно, рѣчь пастора была такъ грозна для бѣдныхъ латышей и такъ сбили ихъ съ толку вопросы умнѣйшаго пастора, что они вынуждены были сказать: мы лгали. Можетъ быть подѣйствовали на нихъ и другія убѣжденія ревнителей лютеранства. Но повѣствователь событія свалилъ всю вину на православнаго священника; это, видите, уговорилъ латышей сдѣлать ложный доносъ на пастора кокенгузенскій священникъ изъ латышей, первый обратившійся изъ лютеранства къ православію. Подразумѣвается: вотъ какіе священники изъ латышей въ православной церкви! Слѣдовало бы и священника привлечь къ отвѣтственности; да оказалось, что этого сдѣлать было будто нельзя, — онъ былъ переведенъ изъ Кокенгузена въ другое мѣсто ²⁾. Жаль, что описатель не изложилъ содержанія самой рѣчи пастора на судѣ; можетъ быть въ ней было то же сказано, что показалъ первый изъ 20 свидѣлей. Кромѣ отсутствія на судѣ депутата съ духовной православной стороны, судъ дозволилъ обвиняемому дѣлать допросы доносителямъ и свидѣтелямъ, — это дѣло вовсе не его, а самого суда. Да еще маленькое опущеніе сдѣлалъ судъ: въ уголовномъ дѣлѣ, предъ допросомъ свидѣтелей, не привелъ ихъ къ присягѣ, а безприсяжныя показанія не имѣютъ силы доказательства.

Дѣло по обвиненію пастора Вальтера въ порицаніи православ-

---

¹⁾ Оправданіе виновнаго въ оскорбленіи православія пастора Вальтера, по распоряженію рижскаго генераль-губернатора князя Суворова, едва ли не было главнымъ основаніемъ принесенной Св. Синоду приснопамятнымъ епископомъ Филаретомъ жалобы на князя въ томъ, что онъ некровителъствуетъ лютеранству и вредитъ православію.

²⁾ Какой неосновательный предлогъ! Будто нельзя было обвинить такого преступника, который перешелъ на другое мѣсто жительства! Очевидно, бояясь обвинять священника: онъ могъ доказать виновность пастора.

ной церкви редакція балтійскаго журнала передала для того, чтобы доказать мою неправду, будто пасторъ Вальтеръ называлъ православную вѣру собачьею вѣрою; да и сами обвинители пастора—потомка Лютерова, не говорили, что онъ такъ называлъ православіе,—а я смѣю печатно утверждать это. Но редакція напрасно такъ много потрудилась: я разумѣлъ въ моей статьѣ по сообщенію мнѣ моего добраго сотоварища, вовсе не вольмарскаго пастора—Вальтера, который не былъ благочиннымъ, а маріенбургскаго пастора.

За названіе пасторомъ православія собачьей вѣрою досталось мнѣ и отъ православныхъ, а особенно отъ нѣмцевъ. Въ концѣ уже восьмидесятыхъ годовъ сильно папалъ на меня г. пасторъ Дальтонъ въ своемъ открытомъ письмѣ г. оберъ-прокурору Св. Синода, называя меня злымъ совѣтникомъ, обманщикомъ и грозя мнѣ горемъ, какое изрекъ Господь на соблазнитель ¹⁾. Дальтонъ упрекнулъ меня въ томъ, что я печатно сообщилъ нелѣное извѣстіе, будто одинъ пасторъ назвалъ православную вѣру собачьей. Къ счастью моему въ 211 номеръ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1890 годъ, когда я составлялъ свой отвѣтъ пастору Дальтону, изложено было дѣло по обвиненію курляндскаго пастора Тилинга въ томъ, что онъ въ церковной проповѣди назвалъ православную вѣру вѣрою чорта. Такъ вотъ еще какими названіями честилъ православную вѣру одинъ изъ пасторовъ въ настоящее время! А что сказать о пятидесятихъ годахъ? Замѣчательно, что и курляндскій оберъ-гофгерихтъ оправдалъ было пастора Тилинга, какъ оправдалъ г. Вальтера венденскій ландгерихтъ; но въ первомъ судѣ былъ православный губернский прокуроръ, который не могъ согласиться съ явно несправедливымъ опредѣленіемъ суда и пасторъ Тилингъ былъ обвиненъ уже Правительствующимъ Сенатомъ, куда дѣло было перенесено; при судѣ же надъ пасторомъ Вальтеромъ не было ни одного православнаго прокурора.

Ревнителі лютеранства не ограничивались обвиненіями меня въ клеветѣ только и въ изложеніи сказочныхъ и невѣроятныхъ событій; нѣтъ, они хотѣли обвинить меня въ

¹⁾ Мой отвѣтъ пастору Дальтону отпечатанъ въ 24 № журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1890 г. и по распоряженію г. оберъ-прокурора Св. Синода переведенъ на нѣмецкій языкъ и отпечатанъ за границей.

самомъ тяжеломъ преступленіи,—въ оскорбленіи ихъ Императорскихъ Величествъ, за что грозило мнѣ и самое тяжелое наказаніе. Починъ тому дала редакція того же балтійскаго журнала: она указала это мѣсто въ моей статьѣ. Вотъ что было тамъ напечатано: „чтобы поколебать православныхъ въ той мысли, что имъ уже нельзя возвратиться въ лютеранство, враги православія распускали и распускаютъ разные невѣрные слухи. Такъ со времени увольненія въ лютеранство нѣкоторыхъ лицъ, уклонившихся въ оное по недостатку доказательствъ присоединенія ихъ къ православной церкви, распространяли вездѣ молву, что изъ православія уже можно переходить въ лютеранство и этотъ слухъ такъ былъ силенъ назадъ тому года три, или четыре, что дошелъ до нашего правительства, и въ Лифляндіи было объявлено, что онъ не справедливъ. Между тѣмъ лютеране поддерживали этотъ слухъ и такъ какъ находились новыя лица, уклонившіяся въ лютеранство, то они указывали на этихъ людей какъ на доказательство справедливости слуха и тѣмъ подрывали у крестьянъ довѣріе къ священникамъ, объявлявшимъ, что этотъ слухъ не справедливъ. Въ послѣднее время слухъ слишкомъ усилился; говорятъ, будто уже и въ газетахъ напечатано, что можно переходить изъ православія въ лютеранство, будто самъ Государь дозволялъ это,—будто онъ прежде и не зналъ, что въ Лифляндіи есть православные, а узналъ объ этомъ тогда только, когда былъ недавно въ Зегевольдѣ и Кремонѣ ¹⁾, а иные къ этому прибавляютъ, что Государыня Императрица изъ нѣмецкой стороны и лютеранскаго исповѣданія, а посему она защититъ тѣхъ, которые перейдутъ изъ православія въ лютеранство; мало того, инымъ говорили, что Государь даже велѣлъ православнымъ идти въ лютеранство. Пасторы и другіе ревнители лютеранства сильно поддерживаютъ такіе слухи; я слышалъ, что нѣкоторые пасторы даже и въ церквахъ объявили, что можно православнымъ идти въ лютеранство. Такіе слухи слишкомъ вредятъ православію“. (Правосл. Обзор., апрѣль, 1865 г., 402—403 стр).

Въ этомъ разсказѣ редакція балтійскаго журнала увидѣла—страшное преступленіе мое—оскорбленіе Ихъ Вели-

¹⁾ Эти мызы, равно и Трейденъ, лежатъ на рѣкѣ Аа и очень живописны; называются они Лифляндскою Швейцарією.

честь; почему слова, касающіяся Государыни Императрицы, какъ будто слишкомъ нелѣпныя, и выпустила въ нѣмецкомъ переводѣ моей статьи. По указанію этого журнала, какъ мнѣ стало извѣстно, о преступленіи моемъ представленъ былъ на автора, то есть, на меня, доносъ, министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго состоитъ печать и цензура. Но такъ какъ цензура духовныхъ произведеній принадлежитъ вѣдѣнію Святѣйшаго Синода; то дѣло объ оскорбленіи мною Ихъ Величествъ перешло въ духовное вѣдомство. И вотъ, Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ московскій получилъ отъ оберъ-прокурора Св. Синода отношеніе отъ 31 августа 1865 г., въ которомъ сказано, что за помѣщенные въ статьѣ „Православнаго Обозрѣнія“ о положеніи православія въ Лифляндіи совершенно неумѣстные неблагоприятные слухи Высочайше повелѣно подвергнуть цензуру взыскаінію; при отношеніи преупрождена была вышеозначенная выписка изъ моей статьи. Высокопреосвященнѣйшій святитель московскій потребовалъ отъ цензора протопресвитера Д. П. Новоскаго свѣдѣнія и объясненія, кто написалъ означенную статью и почему цензоръ рѣшился допустить до напечатанія касающіяся Высочайшихъ особъ выраженія, которыя хотя представлены какъ ложныя, происшедшія отъ людей не благонамѣренныхъ, но симъ не оправдываютъ допущенія ихъ до гласности. Протопресвитеръ отвѣчалъ архипастырю, что означенная статья написана рижской епархіи города В�дена протоіереемъ Іоанномъ Поспѣловымъ. „Статья эта въ общемъ ея составѣ допущена до напечатанія потому, что обличаетъ въ авторѣ не только благонамѣренность, но и искреннюю ревность къ защитѣ православія противъ неимовѣрныхъ, но подтверждаемыхъ фактами усилийъ къ стѣсненію православія со стороны неправославныхъ. Что же касается до приложеннаго къ выпискѣ извлеченія изъ той же статьи, гдѣ говорится о ложномъ слухѣ, который неблагонамѣренные люди распространяють во вредъ православія, злоупотребляя Высочайшимъ Именемъ Ихъ Величествъ, то о. цензоръ никакъ не предполагалъ, что допущеніемъ до напечатанія содержащагося въ извлеченіи, не исключая и выраженій, касающихся Ихъ Величествъ, нарушенъ будетъ законъ, коимъ предписывается строго наблюдать, чтобы въ печатаемыхъ статьяхъ не содержалось ничего оскорби-

тельнаго для Верховной Власти, такъ какъ нарушеніе этого закона было бы въ высшей степени противно собственному глубокому чувству благоговѣнія о. протопресвитера къ священнымъ особамъ Ихъ Величествъ. Увлекся же при этомъ о. цензоръ тою мыслию, что на касающіяся Ихъ Величествъ выраженія авторъ статьи указываетъ, какъ на совершенно ложныя, — въ видѣ жалобы на распространяющихъ оныя къ униженію православія и что бывъ приведены въ этомъ смыслѣ онѣ могутъ возбуждать одно только негодованіе противъ посягающихъ злоупотреблять священными именами Ихъ Величествъ“ (Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, 30 часть, 2 т. за 1882 г. 404—406 стр.).

Какъ слышно было, о. протопресвитеру Новскому предложено было на выборъ, какому суду онъ желаетъ подвергнуться въ этомъ дѣлѣ: обычному епархіальному, или ученому академическому, — онъ указалъ на послѣдній и конференція московской духовной академіи, разсмотрѣвъ дѣло, постановила: „Изъ статьи о настоящемъ положеніи православія въ Лифляндіи видно, что авторъ ея распространяемые въ народѣ слухи о дозволеніи будто бы правительствомъ переходить изъ православія въ другое исповѣданіе и о воззрѣніяхъ, приписываемыхъ Государю Императору и Государыни Императрицѣ на такія отступленія отъ православія, признавалъ и признаетъ ложными. Тѣмъ не менѣе, замѣчая вредное вліяніе такихъ слуховъ на православныхъ въ лифляндскомъ краѣ, которые всѣ почти состоятъ изъ поселянъ, онъ, какъ лице духовное, и по сану своему, и по отношенію своему къ мѣстной паствѣ, и по долгу вѣрноподданничества, почиталъ себя обязаннымъ по возможности противодействовать вредоносному распространенію такихъ слуховъ. Но онъ избралъ для себя не совсѣмъ удобное средство, заявляя такіе слухи совершенно неумѣстно въ литературной статьѣ, которая, свидѣтельствуя о злѣ, не дастъ еще видѣть, приняты ли какія-нибудь мѣры для его прекращенія“. Что касается до цензора, то конференція, принимая во вниманіе его оправданія, нашла только одну его неосмотрительность въ допущеніи напечатать извлеченіе изъ статьи, но не неблагонамѣренность, а по сему опредѣлила за это опущеніе сдѣлать ему замѣчаніе съ подтвержденіемъ впередъ внимательнѣе вести дѣло цензора.

Представляя это опредѣленіе конференціи архипастырю, ректоръ академіи незабвенный А. В. Горскій писалъ: „Можетъ быть покажется излишнимъ довольно пространное замѣчаніе въ самомъ началѣ, касающемся собственно автора статьи; но намъ представлялось нужнымъ обратить вниманіе правительства на то, что статья содержитъ болѣе важные предметы, нежели одно несоблюденіе должнаго молчанія, что въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится православіе въ Лифляндіи, оказывается неудобнымъ молчать. *Кесарева Кесареви, а Божія Богови*“ (Тамъ же стт. 406—408).

Высокопреосвященный митрополитъ московскій, посылая опредѣленіе конференціи оберъ-прокурору Св. Синода, кромѣ изложенныхъ въ опредѣленіи ея смягчающихъ вину цензора представленій его, указалъ на то, „что въ одну и ту же ошибку съ московскою духовною цензурою впала и петербургская, допустивъ напечатать въ журналѣ „Странникъ“, подвергшіяся осужденію выраженія, ибо сія служитъ нѣкоторымъ признакомъ, что сіи выраженія по свойству своему могли увлечь все вниманіе цензора къ сторонѣ ревности за православіе и тѣмъ ослабить вниманіе къ другой неблагоприятной сторонѣ сихъ выраженій.“ Въмѣстѣ съ тѣмъ архипастырь ходатайствовалъ о дарованіи погрѣшившему цензору Всемиловѣйшаго прощенія; на что и соизволилъ Государь Императоръ (тамъ же. 410—411 стр.).

Слышно было, что обвинители меня и цензора въ такомъ важномъ преступленіи представляли еще о необходимости изъять изъ обращенія мою вторую статью, въ которой напечатаны были оскорбительные будто для Высочайшихъ особъ слухи. Но мудрый святитель московскій запрещеніе моей статьи отклонилъ, представивъ, что при семъ запрещеніи всѣхъ книжекъ „Православнаго Обзорѣнія“ изъять изъ обращенія невозможно и что запрещеніемъ сдѣлается какъ бы указаніе на то, что въ печатной статьѣ оскорбляются Высочайшія Особы; тогда какъ безъ этого запрещенія едва-ли кто изъ читателей статьи найдетъ въ нихъ такое оскорбленіе, какъ этого не нашли въ ней цензоры ни московскій, ни петербургскій.

Когда поднялось дѣло о взысканіи съ цензора за допущеніе напечатать мою вторую статью, архипастырь риж-

скій потребовалъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ о сильномъ недовольствѣ моими статьями ревнителей лютеранства и о возбужденіи гоненія противъ меня. Теперь идетъ дѣло только о цензорѣ, говорилъ мнѣ владыка, а потомъ можетъ дѣло коснуться и васъ, какъ автора; приготовьтесь къ основательному отвѣту. Дѣло довести умѣли нѣмцы-лютеране до Высочайшаго свѣдѣнія и по Высочайшему повелѣнію производится слѣдствіе о вашихъ статьяхъ. Что мнѣ приготовляться къ отвѣту, владыка святой! говорилъ я. О нелѣпыхъ слухахъ, касающихся Государя Императора и Государыни Императрицы, я доносилъ вамъ оффиціально; на эту оффиціальную бумагу я и сошлюсь въ своемъ отвѣтѣ; это удостовѣрить, что я не съ вѣтру взялъ такіе слухи. При томъ я буду доказывать, что ничего оскорбительнаго для Государя Императора и Государыни Императрицы въ моей статьѣ нѣтъ и я не предполагалъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое же оскорбленіе даже въ утвержденіи, что Государь Императоръ не знаетъ, какіе именно Его подданные и какого вѣроисповѣданія живутъ въ той или другой области обширной Его имперіи? Какое оскорбленіе для Него въ томъ, что Онъ дозволилъ православнымъ латышамъ возвратиться въ лютеранство? Развѣ Онъ не могъ дать такого дозволенія? О Государыниѣ Императрицѣ сказано у меня, что она нѣмка по роду; да развѣ это неправда и развѣ это ей оскорбленіе? Она была и лютеранскаго вѣроисповѣданія и если бы она могла остаться въ этомъ исповѣданіи, то конечно могла бы защищать своихъ единовѣрцевъ. Чѣмъ же тутъ оскорбляться?

Но до меня, какъ автора статьи о настоящемъ положеніи православія въ Лифляндіи, дѣло не коснулось, къ огорченію, конечно, редакціи балтійскаго журнала и другихъ ревнителей лютеранства.

Протоіерей І. Пospьловъ.
